

*Волковский Николай Лукьянович,
профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия.*

**ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ РОССИИ В
ВОЙНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Аннотация. В статье производится анализ зарождения военной цензуры в России, рассматривается цензурная политика её правительства в Крымской (Восточной) войне 1853 – 1856 годов и в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов.

Ключевые слова: военная цензура, цензор, цензурный устав, контроль, требования, правила, издание, военные корреспонденты.

**CENSORSHIP POLICY OF RUSSIA'S SELF-CONTENT IN THE WAR
OF THE SECOND HALF OF THE XIX - XX CENTURY**

*Nikolai Lukianovich Volkovskiy, professor,
Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Embankment 7/9,
Saint Petersburg, 199034, Russia .*

Annotation. The article analyzes the origin of military censorship in Russia, examines the censorship policy of its government in the Crimean (Eastern) war of 1853-1856 and in the Russian-Turkish war of 1877-1878.

Key words: military censorship, censor, censorship statute, control, requirements, rules, edition, military correspondents.

Во время Семилетней войны 1756 – 1763 годов, когда русская армия вошла в Кёнисберг, её главнокомандующий генерал-аншеф В. В. Фермор взял под надзор все местные газеты, цензура которых до этого осуществлялась местным университетом. Это явилось первым случаем введения военной

цензуры, который произошел за полстолетия до ее официального введения в России [1]. Хотя первые законодательные акты об упорядочении российской цензуры начали появляться при Петре I, однако военных вопросов они не касались. Он сам редактировал книги военного характера, был единственным цензором первой российской газеты «Ведомости». В период царствования Екатерины II вышел первый закон о печати, который собрал и систематизировал в рамки единого правового документа существовавшую дотоле практику цензурного контроля, расширил действие цензуры, были созданы «цензуры» — в Петербурге и Москве; затем — в Риге, Одессе и при Радзивилловской таможне¹. При императоре Павле I (годы правления - 1796—1801) были попытки введения массовой перлюстрации писем военнослужащих-иностранцев, чьи послания, полученные за границей, давали богатую пищу неприятельским разведкам [2].

1 июля 1804 года Александр I подписывает первый «Устав о цензуре», который возложил контроль печати на Министерство народного просвещения, при котором вместо Главного цензурного комитета создается Главное управление цензуры. Также контроль за выпущенными в свет изданиями и самой цензурой осуществляло Третье отделение Министерства внутренних дел [3].

Устав 1804 года начал делить цензуру на общую и ведомственную, духовную, правительственных учреждений, театральную, контроля за зарубежной прессой, поступающей в Россию. Что касается государственных тайн, военных секретов, освещения войны, боевой подготовки, жизни и быта армии и флота, в «Уставе о цензуре» 1804 года ничего не говорилось. Только из 6-го пункта устава следовало, что цензура изданий военных учреждений и кадетских корпусов возлагалась на их начальников [4]. Но угроза предстоящего вооруженного столкновения с Наполеоном, подтолкнула власти к решению ограничить хождение информации, имеющей военное значение. В связи с этим 20 августа 1810 года Александр I подписал указ, согласно

которому предполагалось учредить при Артиллерийском и Инженерном департаментах Военного министерства должности цензоров. Однако соответствующее назначение было произведено только в Артиллерийском департаменте, где военным цензором стал коллежский асессор К. К. Гебгардт, управлявший типографией Артиллерийского комитета. Он также проводил исследования в области совершенствования вооружения, как ученый являлся членом Артиллерийского комитета [4]. Позднее, в 1812 году эта должность была передана в штат образованного при Главном штабе русской армии Военно-ученого комитета, который занимался изучением и усовершенствованием военного искусства, распространением военно-научных знаний в войсках, отвечал за борьбу со шпионажем. К. К. Гебгардт станет членом Военно-ученого комитета. Только в 1815-м, после окончательного разгрома наполеоновских войск, был назначен новый цензор Военно-ученого комитета, которым стал А. Я. Минут. Цензору Военно-ученого комитета вменялось в обязанность рассмотрение содержания вышедших в свет изданий, сличение переводов с оригиналами, контроль военных материалов и определение их соответствия общим цензурным правилам. Наполеоновские войны отошли в прошлое, но продолжалась Кавказская война, происходили военные столкновения России с Персией и Турцией, русская армия подавляла восстание в Польше, вела завоевание Хивы, вместе с войсками Австрии нанесла поражение борющейся за независимость Венгрии... Поэтому попытки в 1819 – 1828 годы рассредоточить функции военной цензуры между различными ведомствами были не долговременными [5].

Цензурный устав 1826 года не внес изменений в это положение, хотя он и составлялся человеком военным – адмиралом А. С. Шишковым, возглавлявшим Министерство народного просвещения. Устав был принят через полгода после восстания декабристов (10 июня 1826 г.), поэтому чувствовалось влияние этого события на определение основных задач цензуры: прежде всего она должна была контролировать права и внутреннюю безопасность, общественное мнение,

науку и воспитание. Цензуру по-прежнему осуществляло Министерство народного просвещения, а руководство ее деятельностью – Главное Управление цензуры и местные цензурные комитеты – в Москве, Дерпте и Вильно.

Создавался Верховный цензурный комитет, состоящий из министров народного просвещения, внутренних и иностранных дел. Право на цензуру оставалось за духовным ведомством, академией и университетом, некоторыми административными, центральными и местными учреждениями [6]. Проблемой защиты военных и государственных секретов в это время занималась и 5-я цензурная экспедиция знаменитого 3-го отделения.

Устав 1826 года в 1828 году был заменен новым. Он запрещал публично обсуждать дела политические и государственные. Цензура оставалась в ведении Министерства народного просвещения, органы цензуры: Главное управление цензуры и цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Вильне, Риге, Киеве, Одессе Тифлисе. В состав главного цензурного комитета помимо трех министров вошел представитель Третьего отделения. И вся цензура оказалась под началом шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа. Однако устав 1828 года дал толчок значительному развитию многих видов цензуры - военной, духовной, медицинской и т. п. В соответствии с ним контроль газеты "Русский инвалид" и другой военной печати был передан Главному штабу армии. Но с увеличением значительного количества печатных изданий и с ростом числа военно-политических публикаций в связи с участием России в происходивших вооруженных конфликтах потребовался специальный орган для контроля за ними. Таким органом стал появившийся в 1835 году Военно-цензурный комитет, в чью компетенцию входил контроль всех сочинений военного характера, в том числе и переводных, а также цензурирование газеты «Русский инвалид» и других периодических изданий Военного министерства. Прочим изданиям было запрещено публиковать сведения военного характера, кроме перепечатки официальной информации. В 1835 - 1848 годы Военно-

цензурный комитет возглавлял известный военный историк, сенатор, генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский. Со временем функции Военно-цензурного комитета расширялись. На него возлагалось не только рассмотрение военной литературы и контроль освещения военных кампаний, состояния вооруженных сил и сохранения военных секретов. В связи с увеличением нагрузки, штат комитета увеличился с пяти до 12 цензоров. Характерно, что если в общую цензуру была тенденция назначать людей образованных, с опытом государственной службы, нередко известных литераторов, то в армейскую – опытных военных. Поэтому девять из двенадцати цензоров комитета были генералами. Однако все члены Военно-цензурного комитета не освобождались от своих основных должностных обязанностей в Главном штабе. С 1848 года Военно-цензурный комитет возглавил профессор статистики и военной истории Военной академии генерал-майор Н. В. Медем (А. И. Михайловский-Данилевский скончался в 1848 году во время эпидемии холеры). Новый председатель Военно-цензурного комитета был человеком весьма деятельным. По статусу комитет являлся органом временным и не был юридически регламентирован, не имел утвержденного штата, как уже отмечалось, его сотрудники совмещали цензурную деятельность со своими основными служебными обязанностями. В контроле изданий они руководствовались собственным мнением, не выходя за рамки цензурного устава 1828 года. Считается, что по инициативе Н. В. Медема были разработаны и утверждены «Штат Военно-цензурного комитета» и Дополнительная инструкция к общему уставу о цензуре для руководства Военно-цензурного комитета». При Н. В. Медеме количество сотрудников комитета уменьшился до трех человек, но это были постоянные сотрудники, которые посвящали цензуре все свое служебное время. Инструкция же впервые подводила законные основания под деятельность цензоров, представляя точный перечень секретных (общие военные сведения) и конфиденциальных

(освещающих частную жизнь военнослужащих) сведений, не подлежащих опубликованию [7].

Период царствования Николая I отмечен резким ужесточением цензурной политики. В военной сфере это выразилось в многочисленных запретах на публикации тех или иных сведений. Офицерам и чиновникам было запрещено публиковать что-либо без разрешения начальства. Цензура воспрещала касаться самых насущных вопросов государственной жизни, и тем более неприкасаемой темой для прессы была военно-политическая проблематика. Допускались лишь только заимствования на эту тему из Санкт-Петербургских академических газет и журнала «Journal de S.-Peterburg», издаваемого при Министерстве иностранных дел. Почти невозможна была постановка серьезных военно-политических проблем в журналистике. Д. А. Милютин, лучший военный министр императорской России позднее писал: «В большей части государственных мер, принимавшихся в царствование императора Николая, преобладала полицейская точка зрения, т.е. об охране порядка и дисциплины. Отсюда и проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати» [8].

Накануне 1850-х годов в России был усилен контроль материалов, предназначенных к печати в периодике, не допускались даже перепечатки статей, уже одобренных цензурой, без нового их пересмотра, запрещалось высказывание в печати о правительственных мероприятиях. С началом подготовки к Крымской войне 1853 – 1856 годов цензура не допускала других точек зрения в печати по Восточному вопросу, кроме официального взгляда. За недосмотр в подобных вопросах цензоры строго наказывались. Запуганные цензоры были крайне осторожны с рукописями статей на военно-политическую тему и во избежание неприятностей представляли такие рукописи в вышестоящие инстанции, в том числе и в Военное министерство. Естественно, пока статья, таким образом, согласовывалась, она теряла свою злободневность.

В высших чиновничьих сферах, в том числе и среди цензоров, были люди, которые сознавали необходимость довести до населения в нужном освещении и в общепонятной форме внешние акции России, доставить публике ежедневную пищу для размышления в духе официальной политики.

К таким людям относился и председатель Военно-цензурного комитета Н. В. Медем, автор широко известного труда «Обзорение известнейших правил и систем стратегии», где выдвинутые им положения далеко не всегда соответствовали требованиям официальных уставов и наставлений. По данному вопросу Медем предложил вернуть через печать политическое влияние на общественное мнение и в связи с этим разработал специальную инструкцию для редакторов изданий и цензоров. Она была направлена в «Комитет 2 апреля 1848 года» - высший секретный комитет надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений, возглавляемый Николаем I. Этот комитет также являлся высшим органом надзора за деятельностью цензурных учреждений [2, С. 352].

В ответе на проект Медема говорилось о сложности его применения. И объяснялось это тем, что в инструкции придется «указать, редактору газеты, как надо переделать политическую статью, какое ей надо дать направление, на что в особенности следует обратить внимание, чтобы окончательно сделать полезное заключение... - все это требует зрелости, верной точки зрения, наконец, истинной опытности» [9]. Подчеркивалось, что для успешного влияния через печать на общественное мнение необходимо иметь подготовленных журналистов. В целом правительство уповало на запретительные меры. В 1853 году не разрешили публикацию стихов Ф. М. Тютчева «Рассвет» и «Предание», графини Е. П. Ростопчиной «Напутствие в поход графу Орлову-Денисову», как содержащие призыв к восстанию; 7 октября 1854 года вышло распоряжение министра народного просвещения о запрете сочинений, относящихся к смутным временам российской истории; цензурой было заведено дело по поводу несоблюдения газетой «Ведомости

Санкт-Петербургской городской полиции» о запрещении помещения в ней политических известий...

После окончания Крымской войны 1853 – 1856 годов в России по-прежнему действовал цензурный устав 1828 года. Однако цензорам трудно было уследить за его точным соблюдением. Современники отмечают, что еще никогда не было такого патриотического воодушевления, как после этой проигранной войны. В прессе появляется такая масса статей, которые не допускались цензурным уставом, что цензоры совершенно не могли справиться с поставленной перед ними задачей. Если в конце царствования Николая I водворился, по выражению современников, «цензурный террор», то в начале царствования Александра II началась, по их определению, «цензурная анархия»: то, что разрешалось одним цензором, запрещалось другим; то, что было дозволено сегодня, запрещалось завтра [8].

В 1857 году вышел «Свод уставов о цензуре», который не отменял устав 1828 года, а лишь вносил к нему некоторые новые дополнения. Этот новый «Свод уставов о цензуре» почти совершенно не касался военных изданий, так как его параграф № 50 гласил, что они одобряются к напечатанию при Главном штабе. Это обстоятельство выгодно отразилось на военной журналистике. Больше всех исходом Крымской войны были огорчены военные. Хорошо понимая, какие причины привели к ее печальным результатам, Главный штаб был заинтересован в том, чтобы печать не была стеснена в обсуждении различного рода недостатков в развитии военного дела в России того времени. В «Русском инвалиде» и «Морском сборнике», а затем и в созданном «Военном сборнике» стала появляться масса статей обличительного характера. В каждом номере этих изданий, находившихся вне общей цензуры, можно было встретить описание самых разнообразных злоупотреблений, неурядиц и преступлений, имевших место во время Крымской войны. С точки зрения властей создавалась нежелательная возможность говорить в военной прессе о таких вещах, которые запрещались действующим цензурным уставом. В связи с

этим были приняты меры, чтобы военная журналистика не пользовалась особыми послаблениями. 19 февраля 1858 года военным министром было объявлено следующее распоряжение: «Существовавший донныне особый Военно-цензурный комитет упразднить и военную цензуру присоединить к общей цензуре Министерства народного просвещения» [9]. Это распоряжение военного министра было сделано на основании выписки из Высочайше утвержденной в заседании Совета министров резолюции по делу о цензуре от 23 января 1858 г. № 32712 «О порядке цензирования сочинений и статей, относящихся к предметам разных правительственных мест и учреждений» [10].

С этого момента военный цензор прикомандировывался Санкт-Петербургскому цензурному комитету, от которого и получал прямо подлежащие его рассмотрению рукописи. Он возвращал таковые с своим отзывом, испросив, в случае сомнения, предварительного разрешения военного министра, для передачи оного в Цензурный Комитет; после чего уже всякое сомнение Цензурного комитета поступает на рассмотрение Главного управления цензуры. Наконец, если и сие последнее не согласится с мнением военного ведомства, то разногласие представляется министром народного просвещения, вместе с отзывом военного начальства, на разрешение императору. Таким образом, устанавливалась двойная цензура: военные издания должны были считаться с цензурным уставом, но и с мнениями двух цензоров, между которыми случались разногласия. Это поставило военные издания в более невыгодное положение в сравнении с общей журналистикой.

Представителем от Военного министерства в Санкт-Петербургский цензурный комитет был назначен выпускник Военной академии, автор ряда литературных трудов полковник генерального штаба Л. Л. Штюмер. Однако, вскоре выяснилось, что один человек, даже если это такой образованный и трудолюбивый офицер как Штюмер, не в состоянии исполнять огромную работу, с которой до этого с трудом справлялся Военно-цензурный комитет. Военное министерство в обход высочайшего повеления в помощь Л.

Л. Штюмеру назначило бывшего сотрудника Военно-цензурного комитета подполковника Д. А. Кропотова, а затем к нему добавился писарь. Позднее эти назначения были утверждены императором. Таким образом, состав представителей военного ведомства в Санкт-Петербургском цензурном комитете был похож на упоминавшийся выше штат Военно-цензурного комитета, как по количеству сотрудников, так и по расходам на содержание этой структуры. Определенная преемственность подтверждается еще и тем, что военный представитель при общей цензуре в своих действиях должен был руководствоваться как действующим цензурным уставом, так и дополнительной инструкцией разработанной еще Медемом, который в 1858 году был командирован в США на два года. Штюмер был очень требовательным цензором. Например, он не разрешал публиковать в «Военном сборнике» даже в отрывках статьи, уже напечатанные в официальном «Морском сборнике», который получил разрешение цензурироваться его редактором. Штюмер часто представлял военному министру записки с замечаниями на вышедшие номера «Военного сборника». Его отзывы, написанные на некоторые рассматриваемые работы, представляли своеобразные рецензии, имеющие литературную ценность. Они были опубликованы в ряде сборников и с интересом читаются в наше время.

Основной трудностью работы Л.Л. Штюмера и его подчиненных в новых условиях являлось то, что ни издатели, ни гражданские цензурные чиновники не могли квалифицированно выделить информацию, относящуюся к компетенции военных цензоров. В связи с этим Военное министерство подготовило перечень сочинений и статей, которые должны рассматриваться военным цензором и 3 июля 1858 года представило его министру народного просвещения. В перечень входили: статьи теоретические и полемические, по предметам стратегии, тактики, военной статистики, артиллерии, фортификации и вообще военных наук; сочинения по военной истории, причем по

отечественной - все вообще, а по мировой - только те, где давалась "военно-ученая оценка действий"; и "все, что относится до военной администрации".

Министерство народного просвещения внесло в представленный перечень некоторые изменения с целью сокращения количества изданий, разбираемых военным представителем. В частности, были изъяты учебники и сочинения по древней истории. В рамках этого перечня Штюмер и его подчиненные работали до 1862 года.

Устав о цензуре 1828 года во многом устарел и за прошедшие десятилетия оброс невероятным количеством дополнительных инструкций. Неудобство в проведении некоторых цензурных принципов на практике и несоответствие и неполнота некоторых частных принципов цензуры старого времени применительно к эпохе, предшествовавшей шестидесятым годам, ощущались давно. В начале 1862 года была учреждена под председательством статс-секретаря князя Д. А. Оболенского комиссия для начертания нового устава цензуры. Представителем от Военного министерства в эту комиссию был назначен Л.Л. Штюмер. В октябре 1862 года комиссия кончила свои работы, составив проект нового устава о печати, и решительно высказалась за передачу цензурного ведомства Министерству внутренних дел. В свою очередь Министерство народного просвещения отказывалось от цензуры, которое представило Александру II доклад относительно компетенции в этой области, в котором говорилось: «Министерство народного просвещения имеет обязанность покровительствовать литературе, заботясь о ее развитии и преуспевании; посему, находясь к литературе в отношениях более близких, чем всякое другое ведомство, оно не может быть ее строгим судьей» [10].

12 января 1863 г. последовало Высочайшее повеление: 1) передать проект комиссии министру внутренних дел; 2) предоставить министру народного просвещения в Министерство внутренних дел все цензурные учреждения; 3) предоставить Министру внутренних дел составить, по его усмотрению, проект окончательного устройства цензурной части во вверенном

ему управлению. Высочайшее повеление немедленно было исполнено, и к марту 1863 года цензурное ведомство во всем составе поступило под управление Министерства внутренних дел.

Представленный проект не мог быть осуществлен немедленно и полностью, потому, что далеко не все детали сложных цензурных реформ в нем были ясно очерчены. Поэтому 14 января 1863 года министр внутренних дел образовал, под председательством того же князя Оболенского, вторую комиссию, которой к концу мая был составлен обширный проект Устава о книгопечатании, охвативший все стороны реформы. Этот проект, пройдя необходимые инстанции, стал известным законом о печати 6-го апреля 1865 года. 1-го сентября того же года министром внутренних дел В. А. Валуевым было торжественно открыто и Главное Управление по делам печати.

Историки отмечают, что итог этой цензурной реформы носил несомненный отпечаток личности и взглядов В. А. Валуева. Современники подчеркивают его прекрасное разностороннее образование, яркую речь, он владел легким пером и литературным слогом. Особенно важным считается то, что Валуев ценил значение и силу журналистики. Он пишет в одном из писем: «Для того чтобы правительственная пресса могла действовать, нужно, чтобы она могла говорить. Для того чтобы она могла говорить, нужна и программа, и некоторая свобода слова. Мы не имеем ни того, ни другого» [11].

В программе министра внутренних дел П. А. Валуева большое место отводилось именно журналистике. Этим объясняется то, почему он стремился взять ее под свой контроль. В каждом направлении правительственной деятельности он учитывал фактор наличия такой силы, как журналистика. Он считал, что цензурные репрессии никак не будут способствовать сотрудничеству государства и прессы. И основная идея его программы заключалась в том, чтобы создать народившейся оппозиции некоторый правительственный противовес. «Противопоставляя одну сторону другой, – заявлял Валуев, – правительство может с большею безопасностью

господствовать над обеими, и, охраняя общественный порядок, удерживать за собою надлежащий простор для собственно ему принадлежащей власти» [12].

Одной из важных сторон программы Валуева в области журналистики было регулирование диапазона ее информации. Министр внутренних дел стремился предоставить прессе такое поле деятельности, которое отвлекало бы ее от сосредоточенности на политических вопросах, а обратило внимание на проблемы общественной и хозяйственной деятельности («земско-хозяйственные учреждения, новые предприятия, банки, заводы, железные дороги и т.д.»). «Это будет питать активность значительной части прессы, наряду с людьми, – замечал П. А. Валуев в записке императору 26 июня 1862 года, – которые шумят и фрондируют в настоящее время потому, что им нечего делать» [13]. Если говорить о влиянии этого направления реформы цензуры на военную печать, то вскоре стало заметно, что в «Военном сборнике» и других армейских изданиях, статьи изменили свой прежний характер. Публицистический оттенок стал постепенно исчезать, политика была изгнана, академический тон стал господствующим в военных журналах при новых цензурных порядках.

Историки указывают на то, что подход Валуева к политике в области цензуры заключался не только в регулировании взаимоотношений с журналистикой через цензурный аппарат, но и через другие средства, объединенные понятием «покровительство правительства», но негласного, «чтобы не уронить доверия публики к изданию, на которое тотчас может упасть обвинение в подкупности». Валуев считал, что оказывать покровительство нужно тем изданиям, которые вызывают «интерес у читателей», ведутся талантливо. Под покровительством подразумевалось субсидирование издания, доленое участие в нем правительства. Александр II внял министру. Этим началась новая страница в истории цензуры: определенные издания стали получать разные правительственные льготы и оплачивали их своим содержанием.

6 апреля 1865 года был издан Указ Александра II «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», который отменял предварительную цензуру на некоторые издания. В Указе отмечалось: «...освобожденные от предварительной цензуры... издания... в случае нарушения в них законов подвергаются судебному преследованию; повременные же издания, кроме того, в случае замечания в них вредного направления подлежат действию административных взысканий, по особо установленным на то правилам» [14].

В тот же день, 6 апреля 1865 года, были приняты "Временные правила о печати", которые долгое время выполняли роль цензурного устава. Главному Управлению по делам печати при МВД вменялось в обязанность наблюдение за произведениями печати, выходящими без разрешения цензуры, наблюдение за типографиями, литографиями и книжными лавками, администрация по делам оставшейся предварительной цензуры. Все выходящие в столицах периодические издания и сочинения не менее 10 листов, а также все издания ученых учреждений, чертежи, планы и карты были повсеместно освобождены от предварительной цензуры. «Временными правилами о печати» цензурным комитетам предоставлялись более широкие права расправы путем предостережений, приостановки (после двух предостережений), конфискации номеров, штрафов, судебного преследования издателей и редакторов. Такова была та в высшей степени умеренная свобода печати, которая дана была реформой 1865 года.

Л. Л. Штюмер, работая в составе комиссии Оболенского по подготовке цензурной реформы, составил правила предварительной цензуры военных сочинений, изданий, публикаций, одобренные военным министром Д.А. Милютиним. Их предлагалось включить в готовящийся устав. Однако по ряду причин в законодательные документы эти правила не вошли. Эти правила требовали, чтобы цензор не допускал к печати: статьи, оскорбительные для чести русского войска; публикации, могущие поколебать понятие о

дисциплине и уважение к ней; мнения, подрывающие уважение подчиненных к лицам начальствующим и ослабляющие доверие к правительству. В статьях же, "относящихся до армии и военной администрации", полагалось "не допускать ничего противного тому значению, которое наша армия имеет по законам в государстве; ничего, могущего ослабить уважение публики к нашему военному сословию, и никаких предосудительных сравнений с иностранными порядками, несогласными с установленной формой нашего правления". При передаче цензурных дел в Министерство внутренних в Министерстве народного просвещения были составлены временные цензурные правила своим преемникам. Статьей 11-ой этих правил цензорам предписывалось "руководствоваться прилагаемыми особыми наставлениями при цензуре статей, касающихся части военной, сухопутной и морской". За основу для этих наставлений были приняты правила, составленные полковником Л.Л. Штюрмером для комиссии князя Оболенского. К ним были добавлены некоторые пункты, разъясняющие штатским цензорам отдельные специфические моменты информации военного характера. Только в редких, "сомнительных" случаях цензурные комитеты должны были обращаться за разъяснениями в Военное министерство.

Таким образом, контроль освещения вопросов, в том числе и в изданиях армии и флота, переходил в руки цензоров Министерства внутренних дел. Военное ведомство обязывалось предоставлять по одному экземпляру всех сочинений, издаваемых в подведомственных ему типографиях в Департамент полиции исполнительной. Кроме того. Указ предусматривал упразднение должностей "назначенных от разных ведомств доверенных чиновников для просмотра статей, касающихся этих ведомств".

Исследователи истории военной цензуры отмечают, что предполагавшееся фактическое упразднение военной цензуры свидетельствовало о непродуманности этой меры. Если для прочих ведомств практика рассмотрения касающихся их ведения сочинений общей цензурой

была вполне приемлемой, то сохранение военной и государственной тайны, которым занималась военная цензура, могло от этого заметно пострадать. Штатский чиновник, даже ознакомившись с Наставлениями, вряд ли мог квалифицированно противостоять военным специалистам иностранных разведок [14].

Как отмечалось, Указом Александра II от 6 апреля 1865 года вводилось понятие изданий, освобожденных от предварительной цензуры. К таким изданиям, в частности, была отнесена вся официальная печатная продукция Военного ведомства, а также чертежи, карты и планы. Кроме того, к бесцензурным изданиям были отнесены книги, переводы и та периодика, редакторы которой сами пожелали освобождения своей продукции от предварительной цензуры (под свою ответственность). Таким образом, значительно упрощалась работа цензоров, в том числе и военных.

Новым уставом никаких организационных изменений в аппарате цензуры на уровне местных комитетов не предполагалось, и, следовательно, не произошло никаких изменений в существовавшей организации военной цензуры. Но в виду резкого сокращения изданий, подлежащих предварительной цензуре, вскоре с обязанностями военного цензора стал справляться один Л. Л. Штюмер, который находился на цензурной работе до марта 1880 года [14]. Вместо него членом Санкт-Петербургского цензурного комитета от Военного министерства был назначен бывший Калишский губернатор генерал-лейтенант В. Н. Мацнев, прослуживший на поприще военной цензуры более 10 лет.

Вопросы свободы слова и военной тайны особенно обострились перед Русско-турецкой войной 1877-1878 годов. В этот период проблема о налаживании военно-информационной безопасности и создании соответствующих учреждений являлась очень злободневной и широко обсуждалась в прессе. Вошедшее к этому времени в обиход такое средство связи, как телеграф, сделало публичную информацию весьма оперативной. Пресса была насыщена примерами выдачи военных секретов публикациями

журналистов во время Гражданской войны в США 1861 – 1865 годов, Франко-прусской войны 1870 – 1871 годов и других конфликтов. И естественно, правительство России, накануне войны с Турцией 1877 – 1878 годов, принимало меры для ограничения сообщений в прессе о военной подготовке. В связи с этим 2 ноября 1876 года Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел отправило губернаторам циркуляр, в котором требовало, «чтобы распоряжения военного ведомства, и в особенности относящиеся до дислокации и передвижения войск, не публиковались в журналах и газетах, за исключением лишь тех распоряжений, о которых официально объявлено при перепечатывании сведений подобного рода, кроме того, должен быть указываем источник, из которого они заимствованы» [15, Л. 56].

Неопределенность источников, которые не указывались в этом документе, а также развернувшаяся подготовка к войне, потребовали от Главного управления по делам печати нового распоряжения от 18 ноября 1876 года, которое, дополняя прежний циркуляр, требовало: «...обязать редакции повременных изданий не печатать вообще никаких известий о военных у нас приготовлениях какого бы то ни было рода, а равно никаких предварительных соображений и разъяснений касательно могущих последовать военных действий с нашей стороны, за исключением перепечатки известий, помещенных в «Правительственном вестнике» и "Русском инвалиде"» [15, Л.63].

3 апреля 1877 года, когда вероятность начала военных действий была уже близка, последовал еще один циркуляр Главного управления по делам печати: «Ныне, ввиду сохранения секрета всего касающегося мобилизации войска, по высшим правительственным соображениям, признано совершенно необходимым подтвердить... требования распоряжения от 18 ноября 1876 года» [15, Л. 64].

С началом военных действий министр внутренних дел России А. Е. Тимашев подписал 17 апреля 1877 года циркуляр, который начинался словами: «Государю императору благоугодно было высочайше повелеть, чтобы на все

время настоящей войны все известия и статьи в повременных изданиях, касающиеся действий нашей армии, подлежали предварительному рассмотрению компетентных военных властей» [15, Л.71]. К циркуляру прилагались правила, согласованные с Военным министерством, которыми следовало руководствоваться [15, Л. 71]. Они получили название «Правила 17 апреля 1877 года». Здесь указывались органы власти, которым предоставлялось право разрешения для печати военных известий и статей о них. Это были штабы главнокомандующих действующими армиями; Особая военно-цензурная комиссия при Военном министерстве, состоящая под председательством начальника Главного штаба, которая была создана по настоянию военного министра Д. А. Милютин и частные комиссии при штабах Московского, Варшавского и Одесского военных округов, действующие под руководством командующих этих округов.

Все телеграммы о военных действиях пропускались в печать не иначе как с разрешения штабов действующих армий или комиссии Главного штаба. Телеграммы, передаваемые частным изданиям с разрешения штабов действующих армий, должны были непременно заключать в себе признаки такого разрешения, с этой целью в конце каждой телеграммы должно было заключаться сокращенным обозначением слово «разрешено» (Р) и полное обозначение чина и фамилии лица, уполномоченного давать подобные разрешения. В общем счете слов телеграммы разрешение принималось за три слова и оплачивалось отправителем. Телеграммы, разрешаемые к печати комиссией Главного штаба, сопровождалась подписью просматривающего их лица и печатью Военно-ученого комитета Главного штаба.

В Правилах указывалось, что все статьи не в форме телеграмм, предназначенные для бесцензурных и подцензурных газет, издававшихся в Петербурге, подлежали рассмотрению комиссией Главного штаба, а для газет, издававшихся в Москве, Одессе, Варшаве и Тифлисе, — рассмотрению частных комиссий при соответствующих военно-окружных управлениях. «Известия и

статьи означенного рода,— указывалось в Правилах,— доставляются комиссиям в наборе, оттиснутом в двух экземплярах. В случае дозволения экземпляры набора, снабженные разрешением комиссии, выдаются доставившей их редакции с тем, что один из них должен быть представлен местному цензору или Цензурному комитету» [15, Л. 71].

Шестой параграф «Правил 17 апреля 1877 года» указывал, что цензурование военных известий и статей в иностранных газетах и журналах, получаемых в России, оставалось на обязанности почтового ведомства и цензурных комитетов, которые «в экземплярах, разрешенных к получению, без исключений, известия и статьи, признанные предосудительными, отмечаются сбоку как недозволенные к переводу» [15, Л. 74].

Военные известия из иностранных газет печатались в русских изданиях непременно с указанием, из какого источника заимствованы. Материалы, напечатанные с разрешения комиссий в бесцензурных газетах и журналах, могли перепечатываться беспрепятственно в подцензурных изданиях, но тоже не иначе как с указанием источника.

В Правилах указывалось, что телеграммы военного содержания, получаемые «Правительственным вестником», набираются немедленно и срочно передаются в оттисках всем тем редакциям бесцензурных и подцензурных изданий, которые пожелают иметь таковые (через рассыльных от этих редакций).

«Правительственный вестник» и «Русский инвалид» обязывались обмениваться без потери времени (в наборе) теми официальными донесениями с театра военных действий, которые получались редакциями этих газет.

Правила называли издательства, которым важнейшие из этих официальных донесений сообщались немедленно: в Петербурге это были редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», «Голоса», «Нового времени», «Русского мира», «Биржевых ведомостей», «Сына Отечества», «Journal de S.-t Hetersbourg» и «Herold»; в Москве — редакции «Московских ведомостей»,

«Русских ведомостей», «Современных известий» (расходы по доставке и пересылке за счет редакций этих газет).

«Agence general russe» и «Journal de S.-t Petersbourg» подлежали по части получения и опубликования телеграмм, корреспонденции и статей, касающихся военных действий и распоряжений, тем же правилам, как и прочие газеты.

Вследствие обнаружившихся на практике неудобств использования материалов из зарубежных изданий, установленного шестым параграфом «Правил 17 апреля 1877 года», в октябре 1877 года министр внутренних дел по соглашению с Военным министерством признал необходимым отменить этот параграф. Редакторы «должны печатать переводы статей военного содержания из иностранных изданий на общем основании, под своей ответственностью, причем им предоставляется право в сомнительных случаях обращаться к компетентности Особой комиссии Главного штаба» [15, Л65]. .

Правительство России, заботясь о повышении уровня гласности о военных событиях в циркуляре Главного управления по делам печати, от 28 апреля 1877 года сообщало губернаторам: «Ввиду возбуждаемого современными политическими обстоятельствами общественного интереса г. министр внутренних дел, в целях доставления бедным лицам узнавать о ходе наших военных действий, изволит признать возможным разрешить в обеих столицах и во всех губернских городах печатаемые в «Правительственном вестнике» телеграммы перепечатывать на отдельных листках и наклеивать на видных местах» [15, Л. 61].

С первых дней Русско-турецкой войны 1877—1878 годов в газетах публиковались сводки боевых действий, а ежемесячно — обзоры положения дел на фронтах, снабженные подробными сведениями. А с июля 1877 года в специальных рубриках печатались списки убитых, раненых и пропавших без вести военнослужащих, фамилии солдат и офицеров, находящихся на излечении в госпиталях и лазаретах. Последнее стало возможным после циркуляра Главного управления по делам печати от 6 июня 1877 года, в

котором указывалось: «Г. Министр Внутренних Дел, согласно Заявлению Военного Министерства, признал необходимым, чтобы списки убитых в сражениях и умерших от ран или контузий нижних чинов действующей армии помещались в «Правительственном вестнике» и чтобы затем выборки из этих списков по каждой губернии и области перепечатывались по принадлежности во всех губернских и областных ведомостях по мере получения «Правительственного вестника»» [16].

Перед началом военных действий в Главный штаб русской армии поступили ходатайства о разрешении нескольким иностранным корреспондентам приехать в армию. Главное управление по делам печати выступило против их присутствия в армии. Также Главное управление по делам печати предложило «воспретить частным газетам иметь своих корреспондентов собственно в русской армии и в занимаемых ею местностях» [17]. Сам министр внутренних дел А. Е. Тимашев ссылаясь на последнюю Сербскую войну, когда представители прессы доставляли многие известия, «совершенно неверные или неудобные для оглашения и даже вредные». О его мнению газеты, а следовательно, и публика, должны были довольствоваться официальными сообщениями.

Однако военный министр Д. А. Милютин, имея в виду всеобщую потребность как нашей, так и западноевропейской публики иметь своевременные сведения о ходе войны и невозможности избежать гласности, так как журналисты, если не будут допущены в армию, все же найдут возможность следить за ней издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений, полагал желательным допустить присутствие корреспондентов на театре военных действий. В правительстве победило мнение военного министра, на стороне которого был главнокомандующий действующей армией великий князь Николай Николаевич (старший).

Выработать основания для допуска в войска корреспондентов, а также правил, которыми они должны были руководствоваться было поручено

полковнику М. А. Газемкампфу, который до войны преподавал на кафедре военной администрации Академии Генштаба. Вскоре предложенный им проект такого документа был одобрен, главнокомандующий дунайской армией великий князь Николай Николаевич (старший) издал приказание № 87, которым разрешал корреспондентам русских и иностранных изданий сопровождать войска на театре военных действий.

М. А. Газемкампф писал по этому поводу: «Условия столь умеренны, что, без сомнения, достаточно предрасполагают в нашу пользу представителей печати. Если же некоторые корреспонденты все-таки будут писать о нас в недружелюбном тоне (исполняя при этом принятые на себя обязательства), то этим можно бы пренебречь, ибо тем авторитетнее будут для общественного мнения дружелюбные о нас сообщения. Требование дружественного тона от корреспонденции, равно как и предварительная их цензура, будут нам же во вред: то и другое получит немедленную огласку и положит прочное основание недоверию публики к тем корреспондентам, которые будут допущены. В этом случае можно даже опасаться, что общественное мнение будет более всего верить тем газетам, которые займутся фабрикацией ложных и злостных корреспонденции о нашей армии. От таких газет, как, например, «Neue Freil Presse», «Pester Lloyd», «Augsburger Leitung», этого весьма можно ожидать» [17].

Корреспондентам русских газет и журналов разрешалось находиться в войсках по просьбе ответственных редакторов и издателей, а иностранным — по рекомендациям наших посольств и высокопоставленных лиц. Для тех и других были обязательными условия: а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии; б) доставлять лицу, на которое возложена обязанность следить за содержанием корреспонденции, все номера газет, в которых они будут напечатаны; в) о каждой перемене своего местопребывания сообщать в штаб армии; г) иметь при

себе разрешение с печатью полевого коменданта управления армией, удостоверение личности с фотографической карточкой и наружный знак военного корреспондента.

Предварительная цензура не учреждалась, а только корреспондентов предупреждали, что за неисполнение обязательств они будут высылаться из армии. Журналистам была предоставлена возможность получать сведения, которые начальник штаба армии признавал возможным им сообщать. Работать с корреспондентами в дунайской армии - полковнику Газемкампфу, а в кавказской – полковнику Войнову. Газемкампф пишет, что прежде чем сообщать новости корреспондентам, он согласовывал их с главноуправляющим действующей армии великим князем Николаем Николаевичем (старшим). Дело было поставлено так, что по свидетельству представителя газеты «Новое время» известного журналиста и писателя В. И. Немировича-Данченко «Корреспонденты особенно ничем не были стеснены»[12, С. 199].

Представители западных держав проявляли повышенный интерес к реформированной русской армии. Но, несмотря на данное русским честное слово не сообщать военных сведений, корреспонденты английской газеты «Дейли-ньюс» с большой точностью приводили данные о численности и дислокации русской армии. Изучалось положение на железных дорогах [18]. Естественно, что к работе иностранных корреспондентов проявлялось внимание со стороны, как сейчас принято говорить, специальных служб. Газемкампф сообщает об отказе двум журналистам — одному немецкому, другому английскому, подполковнику Гоуарду Винценту,— в аккредитации. Последний был отрекомендован князем Черкасским как возможный тайный агент. П. Паренсов, офицер Генерального штаба, занимавшийся вопросами разведки в дунайской армии, вспоминал: «С прибытием Главной квартиры в Плоэшти и вообще с объявлением войны появилась масса русских и иностранных корреспондентов... Более всего было корреспондентов английских газет; между ними выделялись: Арчибальд Форбс, Мак-Гахан, Стенли и

Брэкенбюри. Брэкенбюри был артиллерийским полковником, корреспондентом «Times», а переводчиком и секретарем при нем состоял болгарин Миньчев (или Миньков), получивший образование в Robert College в Константинополе и отлично знавший английский язык... Когда началось движение наших войск мимо Букареста к Дунаю, Брэкенбюри требовал от Миньчева сведений о названиях полков, куда они пошли, фамилии начальников и т. д. Миньчев не знал, как ему быть, не доверял англичанину и заходил ко мне, спрашивая, что ему отвечать на его вопросы...» [19]. За нарушение правил иностранных корреспондентов предупреждали, а сотрудник газеты «Standart» Ф. Бойль был выслан из армии. Вот что об этом писал полковник М. Газенкампф: «14 сентября. Сегодня по приказанию великого князя изгнал из армии корреспондента газеты «Standart» Фридерика Бойля». Далее Газекампф сообщает, что основанием для этого явилась корреспонденция Бойля, напечатанная в его газете за 12 августа 1877 года, в которой он раскрывал расположение русских войск и укреплений, а также с ехидным злорадством отзывался о нашей армии. Делу изгнания Ф. Бойля из армии была придана широкая огласка: об этом было объявлено во всех русских газетах, сообщено в зарубежные информационные агентства, в «Летучем военном листке» было опубликовано содержание разговора Газенкампфа с Бойлем, в котором последний признал нарушение взятого им на себя обязательства не разглашать сведений о расположении, численности войск и предстоящих их действиях [17, С. 125 – 127].

Военные корреспонденты, прежде чем передавать свои телеграммы, должны были заверять их у полковника Газенкампфа. О том, что это правило строго выполнялось, свидетельствует случай, о котором рассказал сам Газенкампф: «Приехавший третьего дня или вечера, хорошо не помню, директор «Agence generale Russe» Поггенполь и основываясь на разрешении государственного канцлера, вздумал начать телеграфировать военные и политические известия от себя. Но его телеграмму, несмотря на печать

государственного канцлера, на станции не приняли, а предложили явиться ко мне, чтобы я надписал «разрешаю». Великий князь требует меня к себе в неурочное время и, рассказав вышеизложенное, сообщает, что он уже доложил об этом государю, который приказал подтвердить по всей Главной квартире, чтобы никто не посылал телеграмм военного содержания без моей разрешительной надписи, а князю Горчакову выразил свое неудовольствие» [17, С. 36].

В первые месяцы войны русская печать ничего не писала об Александре II, который находился при армии. Великий князь Николай Николаевич (старший) сообщил полковнику Газенкампу, что находящиеся при Главной квартире министр императорского двора граф Адлерберг и военный министр граф Милютин выражали ему неудовольствие по поводу того, что читающей публике ничего не сообщается о царе, находящемся на театре военных действий. «Я объяснил великому князю,— пишет в своем дневнике Газенкампф,— что, по существующим цензурным правилам, не допускается упоминать ни о чем, касающемся государя и членов императорской фамилии, без предварительного разрешения министра императорского двора. Поэтому, если кто-либо из газетных корреспондентов напишет что-либо о государе, то такую корреспонденцию в Петербурге задержат и перешлют обратно сюда, на усмотрение графа Адлерберга.

Таким образом, пройдет не менее двух месяцев, прежде чем такая корреспонденция попадет в печать, утратив, таким образом, значительную часть своего интереса. Если графу Адлербергу угодно устранить эти препоны, то сделать это весьма легко: стоит только избрать подходящего корреспондента, допускать его прямо к себе для личного доклада и делать разрешительные надписи на корреспонденциях, сообщив для этого все сведения министру внутренних дел; если же нужно ускорить напечатание какой-либо корреспонденции, то посылать ее с курьером.

Великий князь одобрил это предложение и спросил только, кого я рекомендую. Я указал на Немировича-Данченко, как на писателя неутомимого, везде бывающего, отлично и быстро пишущего и притом уже завоевавшего себе симпатии массы читающей публики. Великий князь и с этим согласился, а вчера приказал мне отправить Немировича к графу Адлербергу и Милютину. Вчера он у них был, вернулся в восторге от любезного приема обоих министров, а сегодня уже понес графу Адлербергу целых две корреспонденции на просмотр. Граф прочел, одобрил, немедленно сделал разрешительные надписи и любезно пригласил приходить хоть каждый день, не стесняясь» [17, С. 145 – 146].

Русские газеты и журналы не только печатали волнующие подробности боевых действий, рассказывали о героизме и мужестве солдат и офицеров, но и разоблачали случаи казнокрадства, злоупотребления интендантства, нехватки в армии медиков, недостатки хлеба и сена, писали о бездарности и нераспорядительности начальников и т.п. Некоторые критические публикации были недостоверными. Подобные корреспонденции встревожили русское командование. В сентябре 1877 года в Главное управление по делам печати обратился командир 14-го корпуса генерал А. Э. Циммерман с просьбой потребовать от редакции газеты «Голос» назвать имя автора корреспонденции о «страшной болезненности» [20] в его соединении (материал был подписан псевдонимом).

Тогда же Главнокомандующий действующей армии сообщил Александру II, что в газетах появляются корреспонденции из армии «с весьма недоброжелательными и вредными направлениями» [20]. Тогда же из армии были высланы корреспонденты «Голоса» (за исключением Г. К. Градовского). Министр внутренних дел предложил, чтобы корреспонденции из армии подписывались полной фамилией автора, а не псевдонимом или инициалами. Предложение Тимашева в октябре 1877 года было утверждено повелением

Александра II. Главное управление по делам печати сразу же сообщило об этом редакциям.

После окончания военных действий 1 марта 1878 года работа Особой военно-цензурной комиссии прекратилась. Несколько позже закрылись окружные комиссии. Военная цензура снова перешла в ведение МВД и прикомандированного к нему цензора Военного министерства.

Воспоминания современников, корреспонденции журналистов с Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, архивные документы свидетельствуют о том, насколько грамотно были выстроены в этот период отношения с прессой, как умело и разумно организован контроль за освещением боевых действий, известий о потерях, как удачно была подобрана кандидатура полковника М. А. Газенкампа для работы с прессой при Главной квартире армии. Выработанные в ходе этой войны условия нахождения военных корреспондентов в действующей армии отличаются здравомыслием, редким в истории взаимоотношений военных и СМИ до этой войны и после нее.

Список литературы

1. Рамбо А. Русские и пруссаки: История Семилетней войны. СПб., С. 130 – 131.
2. Волковский Н. Л. История информационных войн. В 2 ч. СПб., 2003. Ч. 1.
3. Россия и Великая французская революция. М., 1989.
4. Устав о цензуре. СПб., 1804.
5. РГВИА. Ф.401. Оп.8. Д.1. Л.39.
6. Иванов Д. В. Русская военная цензура в эпоху реформ Александра II // Проблемы отечественной истории. М., 2000. Вып. 6. С.62.
7. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2. СПб., 1830. Т.1. С 12 декабря 1825 по 1827. № 403. С. 550 – 571.
8. РГВИА. Ф.38. Оп.5. Д.792. Л.7;

9. РГВИА. Ф.494. Оп.1. Д.47. Л.4.
  10. РГИА, ф. 1611, оп. 1, д. 1, л. 1 – 10.
  11. Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 12. С.37.
  12. Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С.588.
  13. ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. Собрание II. Т. XXXIII.
  14. Деятельность Валуева на посту министра внутренних дел в 19 в <http://biofile.ru/his/30926.html> (дата обращения - 10. 01.2018).
  15. РГИА, ф. 776, оп. 34, д. 14, л. 56.
  16. РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 139, Л. 1.
  17. Газемкамф М. Мой дневник. 1877 – 1878 гг. СПб., 1908. С.5.
  18. Хроника войны, Свод корреспонденций английской газеты «Дейли-ньюс». СПб., 1878. Т.1. С. 4 – 7.
  19. Паренсов П. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. СПб., 1901. С.251.
  20. РГИА, ф. 776, оп. 6. Д. 139, л. 106.
-